

12. Седаков Н.Э. Архетипы бытия и символы культуры (Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде): Дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.03. – М.: 2004. – 126 с.
13. Сериков А.Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2009. – № 2 (6). – С. 60-84.
14. Силантьев И.В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
15. Тульчинский Г.Л. Возможное как сущее // Эпштейн М.Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 7-21.
16. Франц М., Хендерсон Дж.Л., Юнг К.Г. Человек и его символы. – М.: ИП Медков С.Б., Серебряные нити, 2006. – 352 с.
17. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 184 с.
18. Хиллман Дж. Архетипическая психология. – М.: БСК, 1996. – 157 с.
19. Элиаде М. Посулы равенства. Жатва солнцеворота. – М.: Критерий, 2008. – 464 с.
20. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
21. Эпштейн М.Н. Философия возможного. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2001. – 334 с.
22. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Мн.: Харвест, 2005. – 400 с.
23. Юнг К.Г. Символическая жизнь. – М.: Когито-Центр, 2003. – 326 с.
24. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. – М.: Академический проект, 2007. – 303 с.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СОЦИОТИПИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Уткевич О.И., г. Витебск, Беларусь

Резюме: в статье красота рассматривается в качестве объективной составляющей всего бытия, интроецирующей от рождения в каждого человека в виде чувства прекрасного. Несмотря на то, что человеческие представления о красоте носят социотипический характер, у всех народов и во все времена присутствует, незримо ощущается общее в понимании прекрасного. Это и является проявлением красоты как социо-онтологического феномена. Социотипическое поведение имеет объективный онтологический статус, то есть оно объективно детерминировано различными социо-онтологическими факторами, в том числе и эстетического характера. Представление о красоте в качестве эстетической детерминанты социотипического человеческого поведения творит мир социального поведения человека, а заданный тип социального поведения творит конкретный тип социального общества.

Ключевые слова: детерминация, деятельность, интроекция, красота, поведение, социотипическое, социо-онтологическое, эстетическое.

Проблемы человеческого поведения широко исследовались еще в рамках древнегреческой философии. В дальнейшем идея о детерминации поведения, имманентно присущего каждой личности, но вне нее лежащим началом, была развита в рамках средневековой философии. Начиная с нового времени во взглядах на сущность поведения стали доминировать материалистические взгляды, согласно которым поведение детерминировано в первую очередь либо биологической природой человека, либо экономическими условиями его жизнедеятельности. На наш взгляд, эти теории не дают ответа на вопрос о том, как в условиях кризиса старого типа социального поведения сформировать новый тип, придав ему необходимый онтосоциальный характер.

Материалы и методы. Методологической основой нашего исследования являются следующие идеи. Во-первых, это учение христианской философии о том, что красота по самой своей сущности носит не гносеологический, а онтологический характер, представляя собой не человеческие знания о каких-то элементах действительности, и даже не сами эти элементы, а вечную и неизменную действительность. Во-вторых, мы основываемся на широко распространенной как в отечественной, так и зарубежной философской и социальной литературе идее о том, что человеческое бытие в целом детерминировано сознанием. И, наконец, важной методологической основой исследования является концепция функционентризма, согласно которой не столько вещи творят отношения, сколько отношения творят вещи.

Выводы и их обсуждение. В наиболее общем смысле в науке под поведением понимается «присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, включающее их двигательную активность и ориентацию по отношению к этой среде» [5, с. 486]. Отметим, что сам термин «поведение» применяется как по отношению к отдельным живым существам, так и к их совокупностям, но не применяется по отношению к неживым природным объектам.

Этимологически само слово «поведение» показывает, что всякому действию в поведении предшествует гносеологический акт. Естественно, что в наибольшей степени сказанное относится к человеческому поведению. Именно для человеческого индивида поведение – представляет собой *повед-ение*, то есть то, что идет после «ведов» – знания. Конечно, в психологии существуют термины

«осознанное» и «неосознанное» поведение. На самом деле неосознанное поведение человека также в значительной степени основывается на знаниях, только не на рассудочных, а на предрассудочных. Традиционно, начиная с так называемой эпохи просвещения, считается, что термин «предрассудок» носит негативный характер. Согласно этой точки зрения предрассудки по самой своей гносеологической сущности являются следствием человеческих заблуждений, ошибок, того, что английский философ Ф. Бэкон назвал «идолами разума».

Однако в истории научной мысли многие оспаривали это положение. Так, например, крупнейший представитель герменевтической философии Х.-Г. Гадамер в работе «Истина и метод» отмечал: «То, что в виде идеи абсолютного самоконструирования разума предстает как ограничивающий предрассудок, в действительности принадлежит самой исторической реальности. Признание исторической конечности способа бытия человека требует принципиальной реабилитации понятия предрассудка и согласия с существованием вполне законных предрассудков» [1, с. 329]. Добавим, что такое согласие должно носить не только герменевтический, но и гносеологический характер. Предрассудки – это также знание, и зачастую это знание в более точной степени адекватности способно объяснять *status quo*, чем рассудочные измышления.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что любое человеческое поведение детерминировано знанием. Возникает вполне закономерный вопрос: откуда человек получает это знание? Один из вариантов ответа очевиден: знание носит личностный характер, а, следовательно, источником знания является его чувственный опыт и рациональное мышление. Данное утверждение неверно в принципе. Дело в том, что если бы знание носило только лишь личностный характер, то никогда не мог бы осуществляться никакой процесс его передачи от одних людей к другим. Все, что только лично – всегда будет ограничено рамками отдельного «я» и не в состоянии выйти за эти рамки. На самом деле, существует социальный способ передачи знания, базирующийся на нескольких инвариантных сущностях человеческого бытия, общих практически для всех индивидов.

Ирландский теолог, философ и писатель К.-С. Льюис в качестве одного из таких инвариантов называет любовь. Он считает, что всякий человек по своей сущностной природе – добр и в своем поведении подчиняется закону любви, являющимся «естественным законом человеческой природы». Причем, по его мнению, в отличие от физических, биологических и химических – это единственный закон, который люди свободны нарушать. «То есть, – писал Льюис, – человек не может не подчиняться тем законам, которые он разделяет с другими телами и организмами. Но тот закон, который присущ только человеческой природе и который не распространяется на животных, растения или на неорганические тела, – такой закон человек может нарушить по своему выбору. Это закон назвали «естественным», потому что люди думают, что каждый человек знает его инстинктивно и поэтому никого не надо учить ему» (3, 270)

Любовь, по его мнению, – это некое свойство, присущее людям от самого рождения. Однако это свойство не является онтологической собственностью отдельного человека. Подчеркнем, что любовь, согласно точке зрения философа, интроецируется в каждого человека, но не принадлежит ему. Думается, что, если продолжить мысль К.-С. Льюиса, то можно прийти к выводу о том, что в каждого человека интроецируется от рождения также и чувство прекрасного. В рамках данной концепции, красота, прекрасное не является ни гносеологическим феноменом, ни аксиологическим, но представляет собой объективную составляющую всего бытия.

Конечно вечность и неизменность красоты еще не означают того, что данными свойствами обладают наши хронологически изменяющиеся представления об этой красоте. Дело в том, что они носят социотипический характер, а, следовательно, по самой своей социальной природе ущербны. Так, например, хорошо известно, что представления, например, о женской красоте резко различаются у представителей разных рас. Также показательны в этом плане различные представления об этой красоте у русского крестьянина и русского дворянина в XVIII-XIX веках. Сказанное не означает, что в этих социотипических представлениях существует лишь субъективный элемент, обусловленный национальными, социальными, половыми, возрастными и иными отличиями между людьми. Наоборот: у всех народов и во все времена присутствует, незримо ощущается нечто общее в понимании прекрасного. Это и является проявлением красоты как социо-онтологического феномена.

Некоторые мыслители определяли наличие такого общего вполне осязаемо, материально и функционально. Так, например, немецкий философ А. Шопенгауэр в своей работе «Метафизика половой любви» по существу сводил женскую красоту к одному: к лучшей или худшей способности выполнять деторождающую функцию [6, с. 371–412]. Несомненно, что данная функция – одна из важнейших для существования человечества. Однако помимо праксиологического аспекта, красота имеет не столь явно видимый, но не менее важный сущностный социо-онтологический аспект. Чувство прекрасного задано человеку от самого момента его рождения, и эта заданность является важнейшей детерминантой, направляющей все его поведение. Особо подчеркнем, что именно благодаря этой детерминанте у маленького ребенка формируются ограничения на определенные виды деятельности и на

определенные формы реализации деятельностного поведения. На практике детерминанта у детей должна получить свое психологическое подкрепление путем выражения взрослыми эстетической оценки детских действий. И такую оценку многие взрослые высказывают, не задумываясь о социотипических последствиях своих слов. Так, например, родители, наблюдающие за ребенком, который пытается помочь в хозяйственных делах, но не обладает пока необходимыми навыками, говорят: «Ты делаешь некрасиво!» Отметим, что в некоторых случаях данные слова будут являться выражением мысли о том, что ради красоты можно пожертвовать практической эффективностью поведения.

Таким образом, красота, как социо-онтологический феномен, с одной стороны, интроецируется в человека от рождения, а, с другой, – закрепляется с помощью определенного социального фона, то есть приобретает социотипический характер. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить историю белорусской игрушки. С рождения ребенку предлагали игрушки, обладающие онтологической красотой. Всевозможные глиняные свистульки, поделки из дерева, куклы, игрушечные инструменты – все это делалось взрослыми для детей не только с целью того, чтобы ребенок приучался к тому, чтобы в будущем исполнять взрослые поведенческие роли, но и чувствовал красоту бытия. Не исключая функциональность, на первый план выходила эстетическая компонента.

Очевидно, что авторское понимание эстетической детерминации социотипического поведения, базируется на идеи о том, что данное поведение, обусловлено не только и не столько социальными условиями человеческого бытия. На наш взгляд – это поведение, детерминированное чем-то иным, лежащим за пределами социума. Социотипическое вырастает из того, что верующие люди называют Богом, атеисты – природой, но и в том, и в другом случае, оно имеет объективный онтологический статус. Следовательно, социо-типическим является только лишь такое поведение, которое не противоречит данной объективности, то есть не противоречит социо-онтологическому. Так, например, в рамках христианского мировоззрения то, что безобразно – не является типическим, потому что в подлинном социальном бытии безобразное существовать не может.

Белорусский ученый С. В. Голубев поднимает вопрос о том, на чем основывается бытие: на вещечентризме или на функциоцентризме. Сторонники первой точки зрения утверждают, что реальность есть совокупность вещей, порождающих отношения между ними. Голубев совершенно справедливо отмечает, что «логически с меньшими основаниями возможно и обратное утверждение: реальность есть совокупность связей и вещей. В такой интерпретации реальности определяющими онтологически первичными, порождающими оказываются уже не «вещи», а «связи». Это второе представление о реальности оказывается предпочтительным с гносеологической точки зрения, поскольку именно на его базе становится действительно адекватным понимание предмета науки, как законов (связей) реальности» [1, с. 91]. Исходя из этой теории, мы можем утверждать, что не вещи задают отношения, а, напротив, именно отношения задают вещи. Поведение – есть отношения в наиболее общей их форме. Таким образом, именно поведение формирует конкретный тип общества.

Русский философ XX века И. Л. Солоневич также был сторонником подобного подхода и считал, что народу исходно задается поведенческая доминанта, то есть тот способ, с помощью которого он взаимодействует с другими народами и с окружающей средой в целом. Эту доминанту он назвал «народным инстинктом». «Все остальное, – считал Солоневич, – это, так сказать «идеологические надстройки». Эти надстройки, догматы, обряды, легенды, законы, формы правления во внешних формах кристаллизуют проявление народного инстинкта. Организуют этот инстинкт, выравнивают уклоны исторического пути. Но без инстинкта все эти надстройки не то что ничего не стоят, а попросту немислимы [4, с. 42]. В целом мы согласны с данной точкой зрения, но считаем, что русский философ несправедливо считал народный инстинкт биологическим феноменом. На наш взгляд, он носит не биологический, а социо-онтологический характер.

Итак, общество формируется поведенческой доминантой. Если доминанта постоянна, то и тип общества в целом остается постоянным. Уже упомянутый И. Л. Солоневич, например, считал, что Россия оставалась Россией и при московских князьях, и при Петре I, и при коммунистах. Важнейшую роль в этой исходной поведенческой доминанте играют эстетические моменты. Если развить в этом направлении мысль Солоневича, то мы придем к выводу о том, что в русском обществе представления о красоте в своей основе на протяжении столетий оставались неизменными. Никакие политические и социальные реформы не смогли разрушить их. В качестве самого простого примера можно представить красноармейскую шапку – буденовку. Несмотря на идеологическую подоплеку ее появления, она вполне соответствует еще древнерусским представлениям о красоте головного убора воина. Буденовка – почти точная копия шлемов русских богатырей, витязей.

Итак, красота, как эстетическая доминанта человеческого поведения, творит мир. Данную мысль можно выразить и по-другому: представления о красоте творят мир социального поведения человека, а заданный тип социального поведения творит конкретный тип социального общества.

Несомненно, в поведении присутствуют и элементы наведения, некоего целенаправленного воздействия на индивида. Наведение всегда онтологически ущербно. Основной его идеей является

идея отрицания объективного знания как основы подлинного поведения. Дело в том, что, если, к примеру, человека долго и настойчиво убеждать, что безобразное на самом деле прекрасно, он в результате может согласиться с этим. Но тогда мы будем иметь дело не с управляемым поведением, а с манипулированием. Данный способ воздействия достаточно сложен. Наиболее «эффективным» является такой способ наведения, когда человеку не навязываются ложные идеи, а внедряется только одна мысль: всякое предположение уже своего рода истина. В данном случае отрицается сама онтологическая сущность любви, красоты, истины.

Применительно к теме нашего исследования можно сказать о том, что в современном мире этот способ применяется достаточно широко. Все чаще можно услышать мнение, что красоты не существует, писатель или художник выражают лишь свое индивидуальное видение мира, а эстетика, соответственно, является лишь псевдонаучным словоблудием, в рамках которого пропагандируются различные представления о красоте. На практике такая идея, как ни странно, не способствует расцвету различных субкультур, художественных направлений, а наоборот, приводит к упрощению различных форм человеческого поведения, в том числе и к унификации представлений о красоте, к уничтожению социальной детерминации людей. Впрочем, плюрализм эстетических воззрений ведет к уничтожению любой детерминации человека.

Если поведение как форма взаимосвязи человека с внешней средой изменяет не только самого человека, но и эту внешнюю среду, то, таким образом, если красота исчезнет из сферы человеческого знания, то она исчезнет и из сферы человеческого бытия. Дело в том, что, как уже отмечалось, любое наше поведение базируется на знании. Исчезновение какого-то знания ведет и к исчезновению соответствующего ему поведения. Особенно важно понимать роль языка в данном процессе. Согласно концепции, выраженной еще древнегреческим философом Платоном, и развитой многими отечественными и зарубежными мыслителями, следует, что если человек представляет окружающий мир определенным языковым образом, то этот внешний мир и становится соответствующим нашим представлениям. Если в нашем языке постепенно будут все реже и реже употребляться такие слова как «красота», то и сама красота постепенно исчезнет из нашей действительности. Подчеркнем, что речь в данном случае идет не о любой, а именно о нашей действительности.

Заключение. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, любое человеческое поведение изначально детерминировано знанием, в том числе и в виде предрассудков. Данное знание базируется на некоторых инвариантах, общих практически для всех людей.

Во-вторых, красота как онтологическая сущность интроецируется от рождения в каждого человека, являясь социо-онтологическим феноменом. Соединяясь с социальным фоном человеческого бытия, она выражает себя в социотипическом поведении личности.

В-третьих, подлинно социотипическим является только лишь такое поведение, которое не противоречит в своих основных чертах социо-онтологической сущности красоты.

В-четвертых, социотипическое поведение является социальным отношением в его наиболее общей форме, представления о красоте во многом детерминируют это поведение, которое, в свою очередь, определяет конкретный тип человеческого общества.

Список цитированных источников

1. Гадамер, Х.-Г. Основы философской герменевтики/ Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1998. – 704 с.
2. Голубев, С. В. Основания государственности: философский анализ/ С. В. Голубев. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2005. – 182 с.
3. Льюис, К.С. Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты. – М.: Республика, 1992. – 432 с.
4. Солоневич, И. Л. Белая империя / И. Л. Солоневич. – М.: «Москва», 1997. – 368 с.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
6. Шопенгауэр, А. Избранные произведения/ А. Шопенгауэр. – М.: Просвещение, 1992. – 479 с.

ФОРМИРОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И «ЗЕРКАЛЬНОЕ Я»

Богомаз С.Л., г. Витебск, Беларусь

Резюме: в статье представлен эмпирический материал по изучению и специфике проявления принципов «зеркального Я» в формировании Я – концепции старшеклассников. Исследование проведено в рамках такого направления социальной психологии, как символический интеракционализм в дифинициях которого и была выдвинута идея «зеркального – Я». Материалы статьи позволяют утверждать, что Я – концепция представляет собой отражение того, как окружающие воспринимают данного человека. Родители, группа сверстников, учителя, осуществляя обратную связь, оказывают непосредственное влияние на развитие Я – концепции индивида. Кроме того, тема исследова-